

**Крестовский Всеволод
Владимирович**

**Уланы Цесаревича
Константина**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-311.3
ББК 84-4

Крестовский Всеволод Владимирович

Уланы Цесаревича Константина / Крестовский Всеволод Владимирович – М.:
Книга по Требованию, 2011. – 42 с.

ISBN 978-5-4241-2233-0

Всеволод Владимирович Крестовский - замечательный русский писатель,
автор известного романа "Петербургские трущобы".

ISBN 978-5-4241-2233-0

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Всеволод Владимирович
Крестовский
Уланы Цесаревича
Константина

*Эпизод из истории Уланского Её
Величества полка¹*

I.

В начале войны 1803 года, появился в Петербурге некто граф Пальфи, родом Венгерец, офицер царской службы, присланный в Россию с назначением состоять при Австрийском посольстве. Появление этого иностранца сразу же было замечено и в великосветских салонах, и в военном мире. По свидетельству одного из современников, это был статный молодец и красавец атлетически-изящного сложения. Род войска, к которому принадлежал он, не существовал дотолы в России, по крайней мере, если не по сущности, то по названию. Граф Пальфи служил в уланах. На придворных балах и выходах, во время военных парадов и иногда при разводе все невольно любовались, и заглядывалась на «прекрасного улана» – «le beau lancier», как его тогда называли. Австрийский уланский мундир того времени, заимствованный из старопольского уланского наряда, отличался от своего первообраза тем, что куртка была узка, сшита сзади кокетом, вся в обтяжку и не имела на боках отворотов. Панталоны с лампасами тоже были кроены узко и сидели в обтяжку, а оригинальная шапка, лихо сдвинутая набекрень, украшалась роскошным султаном. Этот изящный воинственный наряд необыкновенно понравился цесаревичу Константину. Как человек любивший страстно кавалерийское дело, он увлекся мыслью о новом роде конного войска и, пользуясь своим званием генерал-инспектора всей кавалерии, обратился к императору Александру Павловичу с просьбой разрешить ему формирование одного полка по образцу австрийских улан, с тем чтоб этот полк непременно был назван уланским ².

Как раз, кстати, в это самое время в Украинской инспекции формировались по Высочайшему повелению два гусарские полка: Белорусский и Одесский ³. Формированием последнего в двух городках Киевской губернии, Махновке и Сквире, занимался один из любимейших генерал-адъютантов императора Александра, барон Винцингероде, который к тому времени едва лишь успел приступить к началу своего поручения, и таким образом суммы, отпущенные на снаряжение и обмундирование Одесских гусар, не были еще израсходованы. Поэтому цесаревич и просил отдать в его распоряжение именно Одесцев. Государь согласился, и вот с 11-го сентября 1803 года в рядах русской армии начал свое существование первый уланский полк. Шефом его в тот же день Высочайше назначен был цесаревич, и полку повелено именоваться «Уланским Его Императорского Высочества Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича» ⁴.

Слово улан азиатского происхождения и по-татарски значит молодец. В армии Тамерлана было несколько полков отборной конницы, однообразно одетой и вооруженной пиками с флюгерами ⁵. Татары, поселившиеся в Литве и Польше и составлявшие иногда конные иррегулярные ополчения для службы польским королям, сохраняли и свое прежнее название уланов, которое было от них перенято Поляками. В последствии польское правительство стало формировать у себя регулярные конные полки того же наименования, где наряду с татарами служили «по капитуляции» и лица польско-литовского происхождения; а, так как Польская нация первая в Европе усвоила себе этот новый род кавалерии, то уланы и признавались повсюду национальным польским войском, которое со временем было перенято у них другими государствами.

В России первая попытка к учреждению улан была сделана в царствование императрицы Екатерины Великой. При проекте образования Новороссийской губернии, 22-го марта 1764 года, представлено было на Высочайшее благоусмотрение сформировать поселенный кавалерийский полк, вооруженный пиками, и назвать его, по примеру других европейских держав, уланским. На образование этого рода кавалерии хотя и последовало Высочайшее разрешение, но на название уланов императрица Екатерина II не соизволила, и потому предложенный в проекте Елизаветградский уланский полк получил название Елизаветградского пикинерного и был формирован преимущественно из казаков и из двух пандурских полков Ново-Сербского поселения⁶. Соответственно названию, этому роду войска, конечно, даны были и пики, но только без флюгеров⁷. В том же году прибавлены еще три пикинерные полка: Луганский, Донецкий и Днепровский, а со временем число их увеличилось Полтавским и Херсонским, но в 1784 году эти шесть полков названы «легкоконными полками Екатеринославской армии».

В 1797 году, император Павел Петрович, желая дать приличное занятие множеству польской шляхты, поручил генералу Домбровскому⁸ устроить коннопольский полк, на правах и преимуществах прежней польской службы. Этот полк не получал рекрутов, а формировался и комплектовался вольноопределяющимися «на вербунках». Шляхта составляла первую шеренгу, и каждый солдат из шляхтичей назывался «товарищем». Вторая же шеренга состояла из вольноопределяющихся не доказавших шляхетского происхождения и называвшихся «шеренговыми». Служили в этом полку «по капитуляции», то есть по договору, на шесть, на девять и на двенадцать лет. Унтер-офицеры из «товарищей» назывались «наместниками» и провозводились на вакансии в офицеры. Люди Конно-Польского товарищеского полка одеты были как старинные польские уланы Пинской бригады. Они носили длинные синие куртки с малиновыми отворотами, синие шаровары с малиновыми же лампасами и стоячие конфедератки, а волосы запускали до половины шеи, что называлось тогда "a la Kosciuszko". Но насколько можно судить по рисункам того времени, вся эта форма не особенно была красива и шеголевата. В том же году, но несколько позднее, по образцу коннопольского и на таких же основаниях был сформирован Литовско-Татарский конный полк. И тот и другой были вооружены карабинами и пиками с флюгерами, как уланы, но имени улан все-таки не существовало в России до 11-го сентября 1803 года.

Родоначальники уланского имени Цесаревича полка были части некоторых наистарейших полков русской конницы, а именно Сумского, Ахтырского и Изюмского⁹.

Воинская комиссия, учрежденная императором Александром I, представила на Высочайшее воззрение доклад¹⁰ о необходимости усилить сухопутную армию четырнадцатью полками: четырьмя драгунскими, двумя гусарскими, семью Мушкетерскими и одним егерским, да еще одним конно-артиллерийским батальоном¹¹.

Недохват до комплекта, как в старых, так и во вновь формируемых полках, куда были назначены заранее уже намеченные роты и эскадроны, должен был пополниться рекрутами первого набора. Намеченным частям предписано было собраться и выступить в штабы вновь формируемых полков через 24 часа по получении Высочайшего приказа и следовать к новым штаб-квартирам ближай-

шими и удобнейшими трактами. Каждый эскадрон, в силу этого приказа, отправился к месту своего назначения в том составе людей и лошадей, в каком застигло его Высочайшее повеление; но при этом были захвачены с собою все оружейные, мундирные и амуничные вещи, эскадронный обоз с подъемными лошадьми и полным своим снаряжением, а также полный комплект полагаемых по эскадронному штату нестроевых нижних чинов: цирюльников, лазаретных служителей, седельных и коновальных учеников, кузнецов, плотников, ложников и фурлейтов, со всем надлежащим до них инструментом¹². Вновь назначенные шефы, прибыв заблаговременно в места своих будущих полковых штабов, еще до прихода ожидаемых эскадронов, сделали уже распоряжения о заготовлении квартир, фуража, провианта и о построении конюшен для строевых лошадей. Каждый новый полк принимал свое название с той самой минуты, как только командир первого прибывшего эскадрона являлся к своему шефу¹³.

Таким образом, к барону Винцингероде прибыли из Киевской инспекции по одному дивизиону от полков: Сумского, Изюмского и Ахтырского, а из Украинской один дивизион Мариупольского полка, каждый с присвоенным ему штандартом. Рекрута, в количестве 241 человека, при готовом уже кадре старослуживых солдат, пополнили ново-сформированную часть до комплекта – и к началу следующего 1804 года Лейб-Уланский Цесаревича полк находился уже в составе десяти эскадронов, делясь, кроме того, еще на два батальона. 1-й батальон имел свой штаб в Махновке, где помещался и штаб всего полка, а 2-й в городе Сквире¹⁴.

Барон Винцингероде получил назначение по дипломатической части, а на место его, по выбору цесаревича, назначен был командиром полка один из лучших кавалерийских офицеров русской армии, шеф Тверского драгунского полка, генерал-майор барон Егор Иванович Меллер-Закомельский. Выбор цесаревича пал на него не случайно: получив осенью 1801 года в командование Тверских драгун, Меллер-Закомельский в самое короткое время довел свою часть до высокого совершенства в отношении выправки солдат и выездки лошадей. Кроме того, это был человек боевой, который уже в штаб-офицерских чинах участвовал в войнах: последней Турецкой и Польской, под начальством Суворова, и в Персидской с Валерианом Зубовым. Наконец и личные свойства его ума и характера также были приняты в соображение. Всем известны были его доброта, приветливая ласковость и отличное образование. Офицеры и солдаты, служившие под его начальством, обожали его. Все это в совокупности повлияло на выбор Великого князя, которому Егор Иванович был уже давно и хорошо известен по личному с ним знакомству¹⁵.

Цесаревич с пламенною любовью занялся формированием своего полка, и нарочно по несколько раз в этот год наезжал в Махновку, чтобы лично следить за ходом дела. Из Петербурга он выслал сюда множество разных ремесленников, а некоторые портные и закройщики выписаны были даже из Австрии. Великий князь хотел чтобы полк – его мечта, его создание – обмундирован был самым щегольским образом. Между его высочеством и Меллером-Закомельским шла постоянная переписка, и письма цесаревича лучше всего доказывают его неусыпную заботливость о полке, и необыкновенное познание службы, и прямодушные его и полную доверенность к Меллеру. В одном из этих писем Великий князь сам назначил всех эскадронных командиров, предоставив свой шефский лейб-эскадрон полковнику графу Гудовичу¹⁶. Меж тем курьеры его высочества

беспреданно разъезжали между Петербургом и Махновкой, привозя в полк то деньги, то офицерские вещи. Эполет в то время еще не было в русской армии, и одни только наши уланы носили их; но в магазинах не продавали ни уланских шапок, ни эполет, ни этишкетов. Шапки делали в полку галицийские мастера, а прочие вещи работали на казенной фабрике. Уланская шапка с широким галуном, эполеты и этишкеты из чистого серебра стоили вместе 45 рублей, серебряная лядунка с перевязью 120 рублей, шарф 60 рублей, высокий белый султан из перьев, носимый тогда при уланской шапке – 60 рублей, полусапожки со шпорами, которые выписывались от Брейтигама, первого тогдашнего сапожника в Петербурге, стоили 15 рублей, мундир с чакчирами 75 рублей, седло с полным прибором 125 рублей. Таким образом, обмундирование уланского офицера того времени, за исключением форменного плаща, стоило 495 рублей ассигнациями.

Атаман Войска Донского граф Матвей Иванович Платов прислал в полк лучших донских лошадей, а недостающее число куплено было майором Сталинским. Обучение людей и выездка производились очень успешно, под руководством такого знатока дела, каким был Меллер-Закомельский. Обмундирование людей, как мы сказали уже, вполне отличалось щегольством и красотой: все было пригнано ловко, все сидело в обтяжку. Синие шапки не только у офицеров, но и у солдат украшались высоким петушиным султаном, а красные воротники, лацканы, обшлага и выпушки на синих куртках были очень красивы и, как новость, поражали глаза своим приятным эффектом. Прибор уланам полагался тогда из Желтой меди. Но в особенности делали эффект невиданные у нас дотоле пичные флюгера, на которые тогда употреблялась не китайка, а тафта, отмененная только в 1811 году¹⁷. В 1-м батальоне флюгера были красные сплошь, а во 2-м верхняя половина красная с узкою белою, а нижняя белая с узкою красною полосками, – совершенно так как и ныне в лейб-гвардии уланском полку.

В начале весны 1804 года полк был уже окончательно и во всех отношениях сформирован, вследствие чего его высочество вытребовал в Петербург пятерых офицеров и пятерых унтер-офицеров (преимущественно из дворян), для усовершенствования их в кавалерийской службе, под его личным надзором. Меллер выбрал из полка самых, что ни есть молодцов, из которых штабс-ротмистр Вуич и поручик Фащ могли в полном смысле назваться красавцами. На вахтпарадах всеобщее внимание обращено было на улана, и народ толпился вокруг их на петербургских улицах. Цесаревич зачастую возил их в частные дома, которые он удостаивал своим посещением, и таким образом уланский мундир вошел в большую моду. Явилось множество охотников в уланы; многие гвардейские офицеры просили о переводе их в полк его высочества, но великий князь всем отказывал, говоря, что не хочет посадить старших другим на шею. – «Messieurs les officiers de mon regiment», писал он к Меллеру от 19-го марта 1804 – «sont arrivés il y a de cela une semaine, ainsi que les sous-officiers. Ils sont bien bons, beaux et zeles pour le service», etc¹⁸.

С 1-го апреля 1804 начался для полка первый кампамент. К этому дню эскадроны собрались в Махновку и в течение шести недель, до 16-го мая, занимались полковыми учениями. Затем полк выступил для отдыха на двадцать дней в лагерь. 1-й батальон расположился в палатках около Махновки, а 2-й под Сквирой, 6-го июня эскадроны разошлись по деревням и, сейчас же расковав

лошадей, выпустили их целыми табунами на траву, нарочно откупленную для этого у помещиков. После двух месяцев травы, люди «разловили» своих полудичавших лошадей, дали им некоторый отдых на конюшнях, что являлось крайнею необходимостью, ради приручения, и затем уже на целую осень начались эскадронные учения, которые прекратились только с наступлением зимы, уступив свое место занятиям выездкой, выправкой и фехтованием на пиках и саблях. Этот порядок стреловых занятий во многом был неудобен: раннею весною поля были еще топкие, не успев достаточно просохнуть от только что стаявшего снега, да и полей-то не вспаханных не было по близости Махновки. Точно также и подножный корм в июне и июле не поправлялся, а скорее изнурял лошадей, которых донимали в лугах и ужасная жара, и мухи, и овод. По причине всех этих неудобств, Меллер-Закомельский просил у цесаревича разрешения изменить порядок служебных занятий. Вследствие его просьбы, 5-го января 1805 года, по ходатайству об этом цесаревича, последовал Высочайший приказ, чтобы раскормленных лошадей выпускать на подножный корм с 1-го апреля на два месяца, после чего собирать полк в лагерь на двадцать дней, располагая оба батальона вместе, и уже по окончании лагеря начинать шестинедельные полковые учения.

Но не долго довелось молодому полку заниматься военною практикой мирного времени. В ту замечательную эпоху и гвардия и армия наша были проникнуты каким-то необыкновенным воинственным духом. Суворов с его битвами в Италии и гигантским переходом через Альпы не успел еще сделаться отдаленным преданием: сподвижники его, от генерала до солдата, еще и здравствовали, и служили в рядах войска; всего только пять лет отделяли нас от событий Нови, Требии, Сен-Готарда и Чертова Моста. Наполеон меж тем одерживал невероятные успехи, к которым ревниво относились наши закаленные воины и жаждали отомстить за неудачи своих собратий с Римским-Корсаковым в Швейцарии и с Германом в Голландии. Поэтому и офицеры, и солдаты с нетерпением ждали войны, которая при тогдашних обстоятельствах действительно чуть не каждый день легко могла вспыхнуть. С самого воцарения императора Александра Павловича политические обстоятельства были смутны. Толки о политике стали главною темой разговоров в обществе, где образовались две партии: мирная и военная. Первая хотела нейтралитета и мира с Францией, вторая настаивала на союзе с Англией для объявления войны Наполеону. Но если разногласие во мнениях и существовало в высшем петербургском обществе, в среде государственных сановников, то Русский народ единогласно был за войну, и в особенности армия. Множество молодых людей вступали в новоблиновавшиеся или преобразуемые полки. Ежедневно ждали повеления выступить за границу. Все готовились к войне — и война вскоре была объявлена.

II.

3-го августа 1805 года, уланы цесаревича, оставя в Сквире запасный эскадрон, двинулись из Махновки в Брест-Литовск, а из Бреста, чрез Радом и Краков, на Тропау и далее к Ольмюцу. Поход этот замечателен тем, что был совершен при соблюдении самой строгой дисциплины и образцового порядка. Казалось, будто полк идет не на войну, а на парад, и таким же точно образом сломала этот поход и вся русская гвардия, о чем впоследствии не раз с похвалой отзывался цесаревич Константин Павлович.

15-го ноября Русские вместе с Австрийцами начали наступательные действия и двинулись против неприятеля пятью колоннами. Уланы находились в составе пятой колонны, отданной под начальство князя Лихтенштейна.

20-го ноября над окрестностями Аустерлица возшло великолепное, блистательное солнце и в восьмом часу утра раздался первый боевой выстрел. Нечего говорить о слишком известных подробностях этого дела, проигранного нами благодаря бестолковости австрийских теоретиков. Мы расскажем только о том эпизоде, в котором принял непосредственное участие полк цесаревича.

Колонна князя Лихтенштейна, будучи задержана на пути своим другими войсками, не попала вовремя на назначенное ей место и нашла его уже во власти Французов, а полки нашей гвардии (тоже не попавшие куда следовало) в полном отступлении, при весьма большом уроне. Французы выдвинули против них стрелков и целый ряд батарей, открывших жестокий огонь по отступавшим гвардейцам. В эту-то критическую минуту прибыл на рысях отряд Лихтенштейна и примкнул к левому флангу гвардии. Цесаревич, обрадованный прибытием сильного подкрепления, прискакал к своему полку, шедшему впереди прочих, поздоровался с людьми, обнял и поцеловал Меллера-Закомельского и обратясь к фронту сказал:

— Ребята, помните, чье имя вы носите! Не выдавай!

— Рады умереть! — воскликнули все в один голос и сдержали слово.

Против нас двигалась в сомкнутой колонне целая конная дивизия Келлермана, поддержанная с обоих флангов сильною пехотой и артиллерией. За эту конницей выстроены были несколько батальонов легкой пехоты со своими батареями.

Не дожидаясь построения к бою австрийской кавалерии, храбрый Меллер первым кинулся на неприятеля в атаку. Уланы, возбужденные к отважному подвигу присутствием и словами цесаревича, с криком ура! стремглав понеслись за своим командиром и опрокинули все три линии французских всадников. Целая дивизия дала тыл перед одним полком. Конные егеря и гусары Келлермана, проскакав назад через интервалы между кареями французской пехоты, построились за своими орудиями. Уланы бросились на пехоту и, не взирая на жестокий ружейный огонь, пробились сквозь нее и налетели на артиллерию, встретившую их картечью. Но и это не удержало геройского порыва полка. Завязалась рубка с артиллерийскою прислугой, и дело дошло до жестокой рукопашной схватки. Некоторые уланы, лишись лошадей, бросались пешие с саблею в руке на артиллеристов, оборонявшихся тесаками и банниками. Прикрытие пришло в беспорядок, и хотя с обеих сторон ожесточение равнялось мужеству, но тут уже сомкну-

тый фронт нашего полка поневоле расстроился; все смешалось в кучу – свои и чужие люди дрались или в одиночку, или же небольшими группами, да и, кроме того, донские лошади, неспособные к мундштуку, закусив удила, заносили множество всадников в середину неприятелей. Но эта отчаянная, лихая атака не была поддержана остальной кавалерией Лихтенштейна, точно также как и впоследствии, двадцать пять лет спустя, не была поддержана подобная же атака барона Мейндорфа под Прагой. Последствия же, как в том, так и в другом случае вышли совершенно одинаковые.

Генерал Келлерман, тот самый которого считали решителем сражения при Маренго, видя, что уланы уже не могут сопротивляться фронтом, бросился на них со всех сторон со своими тремя конно-егерскими полками. Неравный бой продолжался недолго – уланы дали тыл, и тут-то приняла их в ружейный огонь с обоих флангов та самая пехота, сквозь которую они проскакали несколько времени прежде. «*Ils pecherent dans cette affaire par excès de courage et par défaut de connaissance dans l'art militaire*»¹⁹. Таков был отзыв о них со стороны самих Французов, и отзыв совершенно правдивый, так как действительно вся беда не только уланского его высочества полка, но и всей русской армии произошла от избытка храбрости и неопытности. Только одна половина одного из лучших полков русской армии²⁰ успела повернуть коней и в рассыпную примкнуть к войскам князя Багратиона, да и то примкнуло их не более двухсот человек, остальное же или легло на месте, или рассеялось в разные стороны, не зная где соединиться. Французы преследовали улан с ожесточением, артиллерия громила их картечью, а пехота провожала роями пуль. Генерал Меллер-Закомельский выказал блистательную храбрость и быть может спас бы полк, если бы не был ранен в самую критическую минуту. Находясь все время впереди полка, он первый окрасил кровью свою саблю, как вдруг пуля ударила ему в грудь и скользнула по Владимирскому кресту. Удар отозвался спазмом в груди и захватил ему дыхание. В это мгновение на него наскakали французские всадники и стали рубить. Несколько уланских офицеров защищали до последней крайности своего командира, но сила одолела мужество, и они были взяты в плен вместе с Меллером.

В этот достопамятный день полк потерял убитыми, ранеными и без вести пропавшими 28 офицеров, 680 солдат и столько же лошадей.

Цесаревич все время был свидетелем этой молодецкой атаки. По окончании боя он подъехал к своим уланам, поблагодарил оставшуюся горсть полка за блистательную храбрость, скомандовал ей налево и повел по фронту пехоты с правого фланга на левый. Но мало того: его высочество приказал остальным полкам салютовать, а пехоте взять «на караул», чтобы воздать такую почестью благодарность храброму полку за его беззаветный, самоотверженный подвиг²¹.

После сражения, ночью, многие уланы захваченные в плен, пользуясь темнотой, толпами бежали из французского лагеря и, пробираясь лесными чащами, старались как-нибудь примкнуть к своей отступающей армии.

В темную ноябрьскую ночь русские войска начали свое отступление по дороге в Венгрию, а император Франц вскоре вступил в переговоры о мире, заключив 26-го ноября предварительное перемирие с Наполеоном.

Уланский полк собрался в Кракове, в числе трехсот человек. На пути и при распределении частей армии по квартирам, прибыло в полк еще до полутораста

остававшихся в госпиталях или спешенных улан, из тех, что успели кое-как примкнуть по дороге к пехотным полкам и отдельным командам. Во время стоянки в Кракове получено было Высочайшее повеление, чтоб уланский полк следовал вместе с гвардией в Петербург, куда и прибыл он под командой полковника Чаликова, 7-го апреля 1806 года, расположась дивизионами в Гатчине, Красном Селе, Петергофе и Петербурге. Штаб-квартира полка назначена была цесаревичем в собственном его имени – Стрельной Мызе. Здесь уже утвержден был полковым командиром полковник Чаликов, и полк начал комплектоваться офицерами и солдатами. Цесаревич сам непосредственно занялся устройством, преобразованием и обучением полка. Несколько прежних офицеров переведены в другие кавалерийские части, а на место их выбраны его высочеством новые. Служба была не легкая, потому что надлежало и занимать караулы в Стрельне, Петергофе и Гатчине, и еженедельно ходить двум очередным эскадронам в Петербург для содержания разездов, и в то же время обучать солдат, и смотреть за выездкой лошадей, и заниматься пешим строем. Его высочество сам входил во все подробности.

Между тем и Аустерлицкий подвиг не остался без награды. Приобретя себе славу храброго полка, уланы цесаревича, через несколько дней по прибытии на новую стоянку, удостоились получить за отличие серебряные трубы с орлами (числом 24), и весь Петербург встречал их, когда гвардейские войска вступали в северную столицу²².

Стрельна, в те годы, далеко не была такою, какою мы знаем ее в настоящее время. Петергофская дорога только до колонии Автово была застроена дачами, а далее шел пустырь. В Стрельне, однако, существовал уже дворец, госпиталь и деревянные казармы, но самая слобода представляла ряд убогих избушек, где едва можно было найти одну комнату в наймы. Несколько домишек принадлежало там старым служителям цесаревича Константина да отставным унтер-офицерам конной гвардии, которые получали пенсию и вспомоществование от его высочества. В этих-то избушках и ютились кое-как уланские офицеры. На счет развлечений в Стрельне было скудно. Существовал там единственный Трактир на почтовой станции, куда собирался весь народ любивший, по выражению нашего полковника, графа Гудовича, «сушить хрусталь и попотеть на листе». Тут, по свидетельству современника²³, заседал «бессменный совет царя Фараона», где от одного утра до другого

Гнули – Бог их прости

От пятидесяти

На сто,

то есть метали банк, что в те времена еще не было запрещаемо. Хотя полк и был разбросан на тридцати верстах расстояния, но все офицеры виделись между собою часто, так как центром полковой службы и жизни была все-таки Стрельна. Эскадронные командиры, следуя армейскому обычаю, всегда держали открытый стол для своих холостых офицеров, и молодежь жила между собою дружно, по-братски, без фанфаронства и чванства. Из Стрельны и из Петергофа нельзя было ездить в Петербург иначе, как только с разрешения его высочества, причем выдавался билет за его собственноручною подписью. Это-то обстоятельство и служило всегдашним камнем преткновения для молодых офицеров. Проситься в Петербург можно было только по очереди и то в свободное время и не слишком